

В серости истлевающего пепла что-то тускло выделялось своей чужеродностью, пламя погребального костра, совсем недавно страстно пожирившего искромсанную плоть, постепенно угасало, сжигая помимо мертвого и живое и оставляя вокруг лишь выгоревшую землю. Но пламя не тронуло то самое, что заставило меня склониться и все еще пылающей от не утихшей внутри меня ярости крови взять ладонью загрести часть пепла. Слабый ветерок подхватил песчинки и, срывая, понес за собой следом, распыляя по лугу и оставляя одиноко лежащий на ладони медальон. Уменьшенное медное колесо телеги с насеченными рунами, ничего особенного, но я не выбросил, положив в левую руку и тут же наклонившись к следующей кучке пепла.

Вскоре в моей руке лежало четыре десятка колец, медальонов и перстней от совершенно простых из меди и до золотых или с позолотой, но все разные и по-своему уникальные. Я некоторое время разглядывал их, пытаюсь понять, какие же чувства меня в данный момент обуревают, не позволяя все это выбросить. В руке появилась бечевка, и руки сами начали нанизывать на нее медальоны с остальным одно за другим, после чего затянули узелок на шее, и ожерелье слегка зазвенело, когда я зашагал обратно, на мгновение вдруг что-то ощутив и обратив взгляд на окраину, откуда пришли пылающие мертвецы.

У самой опушки был всадник, внимательно смотрящий в нашу сторону, и, может быть, я бы не обратил на него внимания и даже не заметил бы, но того освещали всполохи пламени, пробивающиеся через щели доспехов, как и его скакуна, чьи ноздри исторгали раскаленный воздух, искрящийся в ночи. Наши взгляды встретились, и два сознания схлестнулись в безудержной битве до смерти где-то в бесконечности астрала. Никто не собирался отступить и отводить глаз, ни капли слабости, лишь только сила во взоре, иначе, война будет проиграна, не успев начаться. Так смотрят друг на друга два извечных врага, знающих о том, что пока они дышат, война не прекратится, и даже когда умрут, то постараются достать в загробном мире, если таковой окажется.

- Сергей, - послышался голос Емели, но в нем не было радости победы, лишь страх и обреченность: - Надо успеть...

Сдавшись, я обернулся на зов друга, увидев, что тот уже начинал падать, но я успел его подхватить.

- Пр-ро-о-сти, - прохрипел Емельян, глядя на меня туманящимся взглядом, его и без этого выразительную физиономию испещрило сеткой чернеющих сосудов.

- Держись, рогатый, слышишь? Я тебя вытащу, ты главное держись! Слышишь меня? - неимоверно тяжелое тело рухнуло всей своей массой на мою спину, возросший в несколько раз вес не выдержала мягкая почва луга, и ноги вошли в нее по щиколотки. Не обращая на это внимания, я зашагал, сгибаясь под тяжестью: - Отче?! Отче?! Нужна помощь!

Толпящиеся защитники глядели на меня иными взглядами, но мне было не до них, и я лишь шел напролом, выискивая старца.

- Отче!!! - из меня вырвался рев.

- Сеньоре! Сеньоре! - раздалось в толпе: - Как ваше имя, сеньоре?!

- Сергей, - отвечаю, еле сдерживаясь и вновь реву: - Отче!!!

- Нет, сеньоре, имя здесь! Какое имя здесь?!

- Огнеслав.

- Огнеслав! - раздалось дружное многоголосое ликование, тут же подхваченное находившимися на отдалении, и вскоре вся округа утонула в разносимых эхом восклицательных криках.

- Отче!!!

- Да что ты разорался-то? - донесся негодующий голос старца, выходящего из толпы: - Чего орешь, аки оголтелый? Весь народ взбудоражил еще!

- Отче, Емеля, помогите ему! Дайте отвара какого!

- Тут отвар уже не поможет, - Хранитель покачал головой: - Отведенное время подошло к концу, как и силы его.

- Так как же?

- Вот так, сфера же ведь давно уже иссякла.

- Но ведь помочь можно!

- Можно, но только если успеем в Храм.

- Храм? Куда мы идем?

- Да, - старец кивнул.

- Тогда пошли! В какую сторону?

- Туда, - рука старца указала направление.

Я зашагал, преодолевая тяжесть и с каждым шагом чуть проваливаясь в почву, старец устремился вперед, помогая себе посохом и что-то бормоча под нос, из-за спины доносились голоса, но я не оборачивался, стараясь беречь силы, ведь нести Емелю на себе вместе с его грузом оказывается делом не легким, все же, он не Чебурашка с двумя чемоданами, а я не Крокодил Гена.

Встречающиеся звери старались убраться подальше, хотя, некоторые из них не выглядели травоядными и тем более миролюбивыми. Когда заливные луга сменились каменистыми холмами, я даже вздохнул с облегчением, пойдя более увереннее даже не смотря на то, что иногда приходится шагать в горку. Но я шел, не смотря ни на что кроме свисающих рук и головы друга, ставшего грузным мешком, который ни бросить, ни оставить для лучших времен нельзя.

- Сеньоре Огнеслав! - донеслось из-за спины: - Позвольте нам погрузить Емелю на ездового!

- Я сам донесу, я обещал, - проговорил вполголоса, дабы не терять сил.

- Сеньоре Огнеслав! Зачем нести самому?! Есть же...

- Я сам донесу, своя ноша не тянет, - вновь отозвался я, стискивая после зубы и с потугой поправляя съехавшее тело Емели.

- На вот, выпей, - перед опущенным лицом появились руки, держащие плоску: - Токмо трава эта сил на время даст, но позже отнимет больше.

- Спасибо, - делаю тяжелые глотки, ощущая, как тело наливается большей силой: - Сколько времени?

- До заката.

Только сейчас я осознал, что вокруг уже давно рассвело, и солнце шло к зениту. Значит, у меня полдня примерно, после чего....

«Нет, все получится, непременно все получится, я уверен! Я должен!!!»

- Ну вот, - старец громко выдохнул: - Дошли.

- Дошли? - с надеждой переспрашиваю, поднимая голову в ожидании увидеть хоть что-то, но вокруг были все те же холмы, хотя нет, равнина с несколькими взгорками и широкой рекой глубоководной по правую сторону.

- Дошли, - отозвался старец, продолжая при этом идти.

- Куда?

- Не куда, а до чего. Не чувствуешь будто бы?

- Что?

- Дышится легче, трава мягче, деревья выше, небо синее, земля теплая под ногами. Северось родимая перед нами, и земля ее под ногами, благостью божественной пропитанная.

- Хм. Теперь куда?

- Да вон до того холмика, а там уже совсем близко станется.

- А что...?

- Аларме, Рейдерс! - донеслось до нас, принуждая оборвать беседу и остановиться, дабы посмотреть назад.

Четыре десятка всадников галопом нагоняли тянущуюся за мной колонну. Отстававшие ускорились, стремясь нагнать основную массу, удалившуюся от них. Вокруг меньше паниковали, не то, что накануне, хотя, все же страх в голосах звучал, и многие отчего-то смотрели на меня, будто бы ожидая чуда. Я же смотрел исподлобья, пытаюсь просчитать действия вооруженных всадников против, хоть и сотни, но не полноценной армии. В голове вертелись варианты, что те смогут сделать, и как этому противостоять.

- Идем! - произношу настолько громко, насколько смог, но, кажется, услышали все, тут же потянувшись следом.

- Сеньоре, сеньоре Огнеслав! - донесся голос бегущего Андриана: - Это же рейдеры, они не кинутся на нас, нас гораздо больше! Но надо их встретить, иначе будут отстающих убивать!

- Идем! - повторяю не столь громко, но уже с нарастающим внутри меня напряжением, взбираясь по склону холма: - Нет времени.

- Сеньоре, давайте, положим сеньоре Емелу на ездового...

- Некогда, идем, - с недовольством отвечаю, при этом глядя, как дымка срывается с свисающей руки друга, усыпанной взбухшими черными сосудами. Нет, я сам должен нести его, никто не сможет без риска для себя.

Холм поддался, открывая вид на долгую лесистую равнину, уходящую до самого горизонта, над

которым возвышались очертания города. Но более заинтересовал не он, а расположившееся на берегу реки небольшое поселение, не смотря на малые размеры, окруженное каменной стеной и с возвышающейся монолитной аркой, похожей на те, что ставили в древности, но более грациозно и, кажется, украшенной какой-то вязью, слегка мерцающей на солнце.

За стенами виднелись дома и сараи, доносились звуки повседневной жизни, и лишь каменная стена с башнями вместо бревенчатого частокола вызвали диссонанс в восприятии всего, как обычной глубинки. Для чего деревянные дома обнесли камнем, я предполагать не стал, мысленно поблагодарив решившего так сделать, ведь именно эти стены могут нас спасти, защитив от рейдеров.

Всадники не атаковали и на полпути принялись огибать по дуге, пристально глядя на движущуюся к поселению толпу. И народ, будто бы осознав, что те задумали, ускорился, находя в себе силы и черпая последние резервы, наиболее сильные бежали вперед, дабы не позволить преградить вход в поселение или же хотя бы попытаться этому воспрепятствовать. Люди подгоняли друг друга, помогали тем, кто уже не мог не из-за бессилия, но попросту не выдержав натиска панической атаки. И их можно было понять, ведь они стерпели многое, почти дошли, а тут вдруг нависла угроза все потерять, у самого порога новой жизни.

Я бы сорвался с места, устремляясь к воротам, но это бы означало бросить друга и пожертвовать им ради спасения сотни. Может быть, это бы посчитали бы верным, но не я, я не могу так сделать.

Арка скрылась за стенами, как только мы спустились с холма, но по округе разносились звуки, похожие на схожие с треском, и время от времени что-то будто бы вспыхивало подобно разряду молнии.

- Черный ворон, - вдруг раздался слабый схожий с бормотанием в бреду шепот возле моего уха:
- Что ж ты вьешься над моею головой...

- Ты, - отозвался я, тяжело дыша и еще более широко шагая: - добычи не дождешься, - выдохнул, поправив ношу: - Черный ворон, я не твой... Держись, брат, немного осталось.

Рейдеры, не доскакав нескольких сотен метров, вдруг разделались. Оставшийся десяток спешил, принявшись с чем-то возиться, три других продолжили скакать, стремясь к воротам, спешно закрывающимся по поднятой тревоге. Мы же не успевали, хотя и бежали напрямки, но все же мы не налегке. Всадники, оказавшись меж нами и запертыми воротами, разом спешили, выстраиваясь в боевой порядок для удара по нам.

- Строиться! - мой рев заглушил дружный галдеж десятков женских голосов, я принялся командовать, осторожно кладя тело бормочущего Емели в траву: - И идем к воротам! Кто не может сражаться за спины остальных и все к воротам! Емелю никому не трогать, даже не приближаться, я сам занесу, как уберем этих!

- Так они же заперты! - кто-то отозвался.

- Отопрут! – отвечаю, будучи не сильно в этом уверенным, но людям требуется надежда, а ворота в этот момент для них что ни на есть она самая: - Выполнять!

Бросок вперед, длинные лезвия засвистели, рассекая воздух, исторгнутые драконидами потоки пламени ударили в выставленные щиты, принуждая заслоняться и не высовываться. Маги с обеих сторон принялись творить заклинания, засвистели стрелы. Ощетинившаяся копьями стена из щитов заискрилась, когда по ней прошелся вихрь моих мечей, затрещали древки. Втыкающиеся в тело стрелы не замедлили мою пляску, ведь времени с каждой минутой все меньше и меньше, и сейчас задумываться о собственной сохранности некогда.

Первые стрелы со стен полетели, пронзая рейдеров в спины, и стоявшие позади маги оказались теми самыми целями, по которым ударили стрелки. Магический натиск стих почти разом, как и свист стрел, и часть щитов снялись, уходя в тылы, вынужденные ставить заслоны с двух сторон. Мои люди тут же воодушевились, усиливая натиск, дракониды пошли клином, нанося своими глефами тяжелые удары, к ним подключились орки, орудуя секирами и топорами, донесли слова Хранителя, от которых боль стихала, а кровотечения приостанавливались.

Тяжелый хлопок активизированного рейдового портала донесся со стороны, вынуждая обернуться и обратить взор туда, где оставался первый десяток рейдеров. Многометровая арка принялась пропускать сквозь себя десятки вооруженных людей, спешно распределяющихся по прилегающей территории. Стремительно собираемые группы тут же устремлялись в нашу сторону, на их места из арки выбегали следующие, делающие то же самое столь же быстро, как будто бы каждодневно тренировали именно эти маневры.

- Эй! На стене! Отворяй! Вашу мать! – я с негодованием взревел, выдергивая два тяжелых болта из своего тела: - Своих не видите, что ли?!

- Выродки нам не свои! – раздалось со стен, и вновь полетели стрелы.

- Да чтоб вас! Я же вас там достану! – гнев начал переливаться через край, и, игнорируя летящие в меня заряды и стрелы, я двинулся к воротам: - Какого хрена?! Открыть ворота!!! Впустите людей!!!

- Сеньоре! Отходить надо!

- Нет! Отступить некуда!

- Стреляйте в выродка! – донеслось со стен: - Бейте его!

- Да я вас всех! Каждого достану!!! – одновременные вспышки боли смели прежние, через мгновения уступая новым, но я шел вперед, оставив друга позади.

Времени предполагать нет, нужно прорываться к воротам. Иначе, нет, даже думать не могу, да и нет иных вариантов. Нам не устоять против нескольких десятков врагов, а сотня тем более сметет. Но спасение есть, и нужно только, чтобы меня услышали, я знаю, что должны. Попросту сидящие на стенах бояться, да и я бы боялся, стоит только посмотреть на собравшуюся возле стен толпу, да еще и рейдеры. Нет, они делают все верно, но все же, они ошибаются.

Люди в обликах орков, драконидов и прочих, за мгновения боя перестали бояться или же, напротив, страх настолько обуял их, что те впали в безумство, с неистовством бросаясь на преградивших им дорогу опытных бойцов. Численное превосходство компенсировало опыт, безумство устраняло все сомнения, и оставалось лишь не мешать, видя, как женщины со своими мужьями накидывались на врага, вминая того в землю и буквально растаптывая, не обращая внимания на раны. Дети бежали следом, сидя верхом на ездовых животных, добавляющих своей массой тем, кто оказывался под ногами и лапами.

- Ии-ха-а-а-а! – донеслось со стороны, отвлекая устремленный на врата взор.

Передовой отряд рейдеров подбегал, оставались считанные метры, после чего наступит именно то, чего все так и боялись. И нужны лишь спасительные минуты, пока кто-нибудь на стенах поймет, кто перед ними.

- Минуты, всего лишь минуты, - бормочу, будто бы заклятие или заговор, раскидывая руки в стороны и разнося мечи: - Минуты, всего лишь минуты.

Шаг, еще шаг навстречу бегущим рейдерам, они сильнее меня, их больше, но за мной правда, я на своей земле, вокруг мои люди, и осознание этого пришло именно в этот миг, когда я оказался на краю пропасти, в которую если брошусь, то рискую обрести все или же все потерять.

- А ну прочь! Стрелки пли по нечестивым! – донеслось со стен: - Слава Перуну! Слава Сварогу! За Огнеслава!!!

Тяжелая стрела ударила в руку, причинив ноющую боль, но не это меня окончательно взбесило, не это заставило вспыхнуть яростному пламени, обуявшему всего и испепеляющему окрестную траву в нескольких метрах.

- Меня же моим же именем?! – рев неистовой злости вырвался из меня на мгновение приглушая остальные звуки и принуждая закрыть уши: - Меня?! На моей земле?! Так познайте же истину расплаты!!!

Всесокрушающая мощь вскипающей ярости вырвалась из подсознания, перемешиваясь с бурлящей кровью и устремляясь по сосудам, расширяя и обжигая тело изнутри. Новая сила, такая знакомая, такая родная, ворвалась сквозь игольное ушко, перемешиваясь с нынешней, созидая себя заново. А тело, ощутившее прилив силы и волю ярости, уже несло навстречу отряду, на мгновение замешкавшемуся, и лишь его командир не замедлил бег, не замешкался.

Рослый, закованный в дорогие доспехи с тяжелой алебардой наперевес, лицо скрывается под забралом полного шлема, но источаемая аура...

Нет больше ни зеленого, ни голубого, лишь серость окружающих фантомов этого мира. Как и прежде, все лишнее истаяло, утратило свою суть, оголяя важное в этот момент, и я теперь вижу, что таится под металлом и кожей доспехов, я вижу не людей, я вижу выроdkов, ублюдков, сволочей. Их ауры смердят, и от этого смрада не отмыться, не заглушить дорогим одеколоном. Гнильный цвет перемешивается с чернотой тянущегося отовсюду мрака, и даже серость мироздания стремится отстраниться, дабы не впитать в себя чуждую гниlostность, принесенную из другого мира.

Черно-алое пламя взревело, распыляясь в броске навстречу надвигающимся врагам, раскалившиеся лезвия источают обжигающий холод, собственное тело не выдерживает алчущего голода пламени, но продолжает действовать, подчиняясь памяти крови. Тело летит вперед, вращаясь все сильнее и сильнее, мечи набирают силу инерции, пламя закручивается огненным смерчем, ревушим голодным зверем, учуявшим свою добычу. Мыслей нет, боль не важна, бояться более не надо ни за себя, ни за кого-либо, не важно, проиграю ли я в этой схватке или же выйду победителем. Ничего не важно более, и я более ничего не боюсь.

«Смерть, слышишь меня? Я не боюсь умереть, я не боюсь посмертия, я был там, в нем нет ничего страшного, лишь вечность для размышлений».

Смердящие ауры подступают, стремясь помочь оказавшейся самой ближней ко мне и пока еще держащейся. Вращающиеся мечи раз за разом рассекают по дуге подобно циркулярной пиле, пламя стремится поглотить все, до чего дотягивается, и вставший на ее пути обрек себя на скорейшую гибель, ибо ничто не способно остановить ненасытную стихию, созидающую и разрушающую одновременно. Искры осыпаются во все стороны, а враг пятится, не в силах ударить в ответ, а я не останавливаюсь, зная, что стоит прекратить, и тело сдастся, рухнув мешком мяса и костей наземь.

Отскок в сторону и размашистый росчерк по касательной остановил решившего ударить с фланга, принуждая упасть и приняться истошно орать, держась за загоревшийся обрубок правой ноги. Бросок к следующему, и два тяжелых лезвия рассекли слабозащищенное тело стрелка снизу-вверх, даруя возликовавшему пламени новую пищу. Отскок назад и рассекающий сдвоенный удар с расходящимися в обе стороны лезвиями и последующим разворотом вокруг себя, дабы мечи вновь набрали силу инерционного удара и низринулись в следующего с сокрушающей мощью. Прыжок вверх и падение на головы опешивших врагов, мгновения падения, и раскатистое огненное кольцо, сорвавшись, принялось разрастаться в стороны, пожирая все, до чего смогло добраться пламя.

Истошные крики раненных стихли, устоявшие дрогнули, получив не желающие заживать раны, но рослый вожак вновь бросился в атаку, алебарда рассекла воздух, стремясь разрубить меня, но мечи оказались быстрее. Треск дерева и лязг металла, топорище алебарды ударило своей массой по скрещенным лезвиям, когда древко надломилось от встречного сдвоенного удара, и металл не выдержал. Получившие множества засечен и сковов лезвия мечей не устояли перед ударом топорища, перекаленный и одновременно смерзшийся в черно-алом пламене металл раскололся, будто бы сосулька. В руках остаются лишь огрызки мечей, но и их мне будет

достаточно, а когда и они не выдержат, я буду рвать когтями и клыками, потому как такой мрази нет места в этом мире.

За мгновение взгляда прямо в глаза через забрало шлема я видел все и даже слишком и теперь я не остановлюсь, не отпущу эту тварь, не достойную жить. Нет, не меня нужно называть выродком, не я истязатель и мучитель, не я потрошитель и убийца! Вот тот, кто достоин всего этого, ничтожество, мерзость, тварь, гниль! Золотая молодежь, утопшая в роскоши, познавшая все доступные грехи и не считающая никого другого за людей. Десятки загубленных девушек, споенных на вечеринках и изнасилованных компанией гопников, выросших из одаренных детишек выдающихся деятелей. Постоянные вылазки в поисках слабых и незащищенных, избиения убогих и бездомных, издевательства над бедными и немощными. Пьяные гонки на дорогих иномарках и аварии, в одной из которых погибла молодая девушка с грудным ребенком, просто переходившая дорогу не вовремя, понадеявшись на защиту мигающего зеленого человечка. Плачущая мать и бабушка, слушающая оскорбления этого выродка прямо в коридоре суда на глазах судьи, делающего вид, что все в рамках закона. Он не сожалел, он не видел своей вины, ведь он не убил человека, ведь все, кто не имеет столько же денег и власти – не люди, и их надо уничтожать, ибо они засоряют этот мир. Его компания, лица всех этих ничтожеств перед глазами, и каждое нужно запомнить, обязательно запомнить, ведь ради них точно стоит жить, чтобы достать каждого и объяснить всем, что они глубоко ошибались, особенно теперь. Надо каждому показать, что они не неприкасаемые, что они не вне закона, и что их родители в этот раз не смогут замять их веселые шалости. А пока, надо объяснить для начала этому, он будет первым.

Руки сами вцепились в горло, сжимая шею и со скрежетом сминая металл доспехов, когтистая лапа вскрыла шлем, как будто бы три консервных ножа одновременно разрезали жестянку. Взгляд осознавшего первозданный страх, бегающие глаза и непонимание, почему не работает кнопка экстренного выхода из игры. Пламя хлестнуло по щеке, и выродок истошно заорал, ощутив обратную сторону радостного веселья, пальцы сдавили горло, и крик превратился в хрип, а я смотрел прямо в глаза, запоминая каждое мгновение, и губы мои шептали имена, напоминая этой твари ее подвиги. Я ощутил, что каждый, кого я упомянул, сейчас пробуждался где-то среди бесконечной пустоты посмертия, и почти угасшая суть принималась сверкать, впитывая в себя даруемую силу отмщения. И все они устремляли свои бестелесные взоры к нам, мысленно вставая за моей спиной и ожидая кульминации. А пальцы держали горло, не довершая начатое, и пламя лишь обжигало кожу, не вгрызаясь в оголяемую плоть, и глаза продолжали видеть, хотя давно жаждали утратить зрение. И мой звериный оскал продолжал говорить имена, накапливая силу ответного отката, дабы этот был первым из тех, кто познает суть изречения «что посеешь, то и пожнешь». И пусть это бремя упадет на меня, но десятки и даже сотни измученных должны быть отмщены.

- Живи и помни, мразь, каждого помни, - наконец произношу: - Понял меня? Услышал меня? Помни имена каждого!

Натянутая струной толстая черная нить, утяжеленная десятками нагруженных на нее накопленных эманаций боли, резко оторвалась от тела аватара и устремилась прочь, улетающая туда, где сейчас находилось тело этого ублюдка. Я приложил всю ненависть, всю накопленную злобу, все отвращение, что обрели внутри меня пристанище за это время, и отправил с посылкой в виде всех тех ощущений, что успел предоставить за мгновения нашего общения. Надеюсь, когда он вывалится из модуля, он не забудет их, и те останутся в его разуме надолго.

Очень на это надеюсь.

Рев разогнал окружившую меня тишину, и мимо пронеслись драконицы с орками, мелькнула огромная черная тень, и я увидел, когда поднял голову, как Мрак расправляется с одним из оставшихся, тем же самым занимались и остальные. И было бы это победой, если бы не те несколько десятков, что спешили к нам, и десятки, бегущие за ними, и неизвестно, сколько еще выйдут из проклятого портала.

- Назад, - хриплю, выплевывая сгусток крови: - Все назад, к воротам!

- А? Сеньоре, заперто там! Уж лучше в битве погибнем, а там и заново начать не горько будет!

- Назад! Я сейчас ворота открою! - встаю, преодолевая наваливающиеся слабость и боль, ставшие неотъемлемыми частями моей сути. Без них я уже начинаю сомневаться, жив ли я.

- Сеньоре, но вы же! Вам бы подлечиться!!!

- Переживу, - очередной раз сплевывая сгусток крови, вспыхивающий в полете, с болью в теле бросаюсь к стенам.

Здесь не высоко, я смогу, не имею права не смочь. Бег с ускорением со все сильнее стискиваемыми зубами, резкое сжатие всего тела и единый выброс силы для совершения прыжка. Объятое пламенем тело взмывает вверх, освободившиеся руки тянутся вперед, но сил не хватило все же, и острые когти в последний момент все же успевают зацепиться за край стены, тут же принявшей покрываться льдом. Тянусь руками вверх, вроде бы рядом что-то ударило в стену, взбираюсь внутрь, взглянув на застывшего в страхе защитника в доспехах. Не воин, мужик всего лишь, хотя и смелый, штаны сухие, хотя видок у меня, хоть сейчас беги в церковь, чтобы срисовали на икону «Пришествие Нечестивого в Адском Полыми».

- Так что? - гляжу на защитника: - Как там кричали? Не ты ли?

- А? Й...й...я.

- Ага, молодец, хвалю за смелость, но в следующий раз мозгами пораскинь или старшего спроси. Кстати, а кто тут старший?

- В-в-вон-он там с-с-сто-о-ит, в-в-возле в-в-во-р-р-от.

- Ага, мне как раз туда, ну а ты, - сделал паузу для усиления важности данного момента: - Стреляй вон в тех, они точно враги.

Спрыгиваю со стены и иду к воротам, стоявшие возле ворот вооруженные люди вперемешку с

гномами, выставив щиты и оружие вперед, с ошалевшими взглядами смотрели на меня, возвышающегося над ними.

- Чего людям добрым двери не отворяете, али не видите, что ли? Ладно, сам отворю.

- Добре, добре! – донесся до меня скрипучий веселый голос, оборачиваюсь, увидев сидевшего возле стены оборванца, качающегося и глядящего полоумным взглядом: - Добре, Княже, добре. Свет в закат, а ты и сам, добре, добре!

Окропленная собственной кровью рука прикоснулась к массивным воротам, сделанным из тяжелых бревен и хорошей стали, и те вдруг поддались, принявшись отворяться, как только все засовы отошли.

- Впустите людей, ироды, - спокойным голосом обращаюсь к остолбеневшим защитникам и, разворачиваюсь, кричу, преодолевая завывания разгулявшегося урагана: - Все внутрь! Емелю не трогайте! Я сам его заволоку!!! – после оборачиваюсь к защитникам: - Чего остолбенели? Защищаться теперь точно надо, там подошла сотня не меньше.

- А? – очнулся один из гномов: - Две сотни там.

- Тем более.

- Так это, портал скоро отворится.

- Какой портал?

- Вон тот, - гном указал на арку, мерцающую сиреневой пеленой и испускающую молнии, уходящие к небесам: - Оттуда и придет дружина, они и разберутся, а мы мастеровые, нам воевать не в профессии.

- Понятно. Сколько до портала?

- Как солнце на половину в закат уйдет.

- Долго, ладно, заведите людей и всех к порталу, кстати, куда он?

- Знамо куда, Новоград.

- Отлично, им как раз туда, а я за другом...

- Так это... пылаешь же весь, плоть горит, прогалины какие да язвы.

- Не в первой, людей принимайте, я скоро.

- Сеньоре! Сеньоре! – донеслось снаружи: - Идут! Идут!

- Все живо внутрь! – ору, выходя за ворота, зная, что теперь не запрутся, не смогут.

- Это кто? – прозвучало за спиной.

- А я почему знаю?

- Видишь, как пылает, а ему все равно.

- Вижу.

- Да и Епанька дуралей что там талдычит-то?

- А эти что снаружи орут?

- Не уж-то? А я думал, мне уже почудилось, сами ведь орали.

- Да и это, сами же видели, дотронулся, все засовы и открылись, а сами же знаете...

- Эка, не уж-то?

Орда бежала к поселению и не собиралась отступить, это был штурм, какой я видел ни единожды и вот сейчас в разуме всплыли обрывки прошлого. Осада не иначе, и теперь нам нужно лишь продержаться, пока портал откроется. Только вот я не успею помочь, уже сейчас ощущаю, как прежние силы испаряются, заместо них приходит боль, какая бывает при переломах или артрите, было и то, и то, знаю. Но все равно, падать на землю и орать от боли у меня права нет, хотя очень хочется.

- Духи-дивии, духи-навии, словом Вещего заклинаемы! Вы слетайтесь, собирайтесь, коло посолонь направляйтесь! Чистые духи земли! Чистые духи воды! - голос старца вдруг послышался мне, как будто бы тот стоял рядом со мной, изрядно отошедшим от стен, где тот и остался. И тут же ветер принялся кружиться по равнине, разнося отчетливо слышимые слова: - Чистые духи огня! Чистые духи воздуха! Собирайтесь на место на красное, охраняйте нас, помогайте нам! А иншие, духи беспутные, прочь пойдите туда, где Солнце не светит, где Мать-Земля не родит, где слав Богам не поют, где правых слов не рекут! Из нашего кола изыдите, яко пропадом пропадите! Да будет по слову сему! Гой!

Земля вспучилась перед бегущей армией, будто бы десятки подземных зарядов разом рванули,

всполохи пламени ударили, встречая нестерпимым жаром. Внезапно похолодевший ветер сменился промозглым ураганом, бьющим ледяными стрелами. И посреди ненастья вокруг резко остановившихся рейдеров замелькали силуэты духов, радующихся возможности отомстить обидчикам, причинившим немало зла этому миру.

- Не стой, - голос Хранителя громом раздался внутри моего разума, выводя из ступора: - Быстрее волоки Емелю!

Междуглавие

- Слышь, Лексеич, а что ты думаешь о новом законе?

- Это каком именно?

Зашарпанная прокуренная кухня со старой побитой мебелью и грязной посудой, подмываемой лишь по мере надобности и то не всегда, очередной вечер принимала у себя двух завсегдатаев, усевшихся за столом, накрытым полузатертой клеенкой. На столе традиционно для подобного вечера стояли три бутылки водки, банка с огурцами и половина буханки хлеба. Раньше корефаны предпочитали в довесок брать нарезанной селедочки, но просрочки по сниженной цене в этот раз не оказалось, а на свежую тратить пять сотен никто из здравомыслящих собутыльников не подумал бы, уж лучше купить еще пару бутылок дешевенькой «Патриоточки».

- Да про повышение налогов.

- А что тут думать-то? Опять за наш счет хотят свои проблемы решить. Ты лучше разливай давай, а то рюмки пылью заросли уже.

- Ага.

- Меня больше беспокоит нынешняя ситуевина, не подработать, не цвет мет сдать.

- Да уж, вот раньше были золотые времена, а тепереча тока на пособие и жить.

- А на него много наживешь?

- Нет.

- Вот именно. Давай за это и выпьем.

- За пособие?

- Неа, за то, чтобы наши чиновники жили также, как и мы.
- А-а-а, тогда до дна и стоя.
- Согласен. Ух, ядреная!
- Ага, хоть за это спасибо власти, последнюю радость не отобрали.
- Угу, ты закусывай, а то опять отключишься после первой-то.
- Кто?! Я?! Да я могу выпить пять бутылок без закуси!!!
- Ага!
- Пospорим?!
- Проиграешь же.
- Пospорим?!!
- Да остынь, лучше разливай. Я кстати квартиру продаю.
- Да ты что? Нахрена? Свалить куда собрался?
- Типа того. Слышал про новую хню о переносе сознания?
- Ты про Итрим что ли?
- Ну да.
- Типа в игры собрался?
- Ага.
- А нахрена? Чем тебе здесь плохо?
- Да достало все, хочу начать заново.

- И кому ты там нужен? Что делать-то будешь? Я слышал, там пить нельзя.

- Да найду, у меня же два высших.

- Два?

- Два.

- В метро купил, когда в Москву ездил?

- Слышь, я щас тебе врежу!

- Да ладно, две шутки за одну минуту, перебор.

- Я тебе точно щас врежу!

- Профессор с двумя высшими? Неа, не врежешь.

- Ты не охренел ли?! Я в ВДВ служил!!!

- Два высших и в ВДВ, у меня сейчас двойственный ананас.

- Диссонанс, неуч.

- Именно он. Сам-то веришь?

- Думаешь, что я брешу?

- Не думаю, знаю.

- Давай бутылку!

- Нахрена?

- Давай бутылку, покажу, что в ВДВ служил.

- Разобьешь что ли?

- Да.

- Да ладно, этот фокус и я могу.

- Давай! Сначала я, потом ты! Посмотрим, кто может!

- А если мозги повредишь? Как ты потом?

- Давай бутылку живо! Щас покажу!!!

<http://tl.rulate.ru/book/28868/1268861>